

# Самое Заветное Желание

## Глава 4. «Первая попытка Селестии»

*«Соболезновать. Доказывать, что утрата -  
меньшее зло, чем сочувствие»  
Амброз Бирс «Словарь Сатаны»*

*Эквестрия, 21 год эпохи Монархии.*

– Соня, просыпа-айся-а! Утро уже, – меня потолкали в плечо и поцеловали в лоб.

– М-м-м... Тия, прекрати, рано же ещё, – я попытался заползти под одеяло с головой.

– Солнышко, ты что, забыл какой сегодня день? Вставай, а то в школу опоздаешь, – она стащила с меня одеяло.

– Ар-ргх. Я думал, что больше никогда в жизни не услышу этой фразы.

– Может быть в прошлой жизни и не слышал больше, а сейчас вставай, завтрак уже ждёт тебя, – сказала принцесса, выходя из моей комнаты.

После нескольких лет беззаботной жизни полной игр с детьми всех пони, имеющих отношение ко двору, и прерываемой лишь уроками полётов, Селестия решила отдать меня в Кантерлотскую школу для одарённых единорогов. Вероятнее всего это решение пришло ей в голову ввиду того, что летать я так и не научился, а всё что мог – более или менее стабильно планировать с высоты. Виной всему была

моя боязнь удаляться от земли, дававшей мне силы для магии Жизни. Воздух я находил недружелюбной и своенравной стихией. С классической магией, или, как говорили в Эквестрии, магией единорогов, мои дела обстояли не лучше, но ведь я и не пытался развить в себе этот талант.

Я называл Селестию Тией, потому что попросту не мог называть её мамой. Это слово ассоциировалось с человеческим прошлым, в котором не было ничего хорошего, а лишь пугающие вещи. Я думал, Тия отдаст меня в школу еще в 20 году, однако она сказала, что в том году набора не будет, потому что не подошло время. На вопрос, о чём это она говорит, принцесса просто пригласила меня на вечернюю беседу в свою комнату.

– Ты, наверное, уже заметил, что большинство детей примерно одного возраста, – она поправила копытом корону.

– М-м-м... нет, – честно говоря, я мало уделял этому внимания.

– Тебе нужно меньше проводить времени во дворце, но об этом позже, – она немного замялась. – Дело в том, что раз в три года весной наступает брачный сезон. И молодые пони примерно от четырнадцати до двадцати лет буквально теряют над собой контроль. В это время они... как бы тебе сказать...

– Хочешь рассказать друиду, откуда берутся дети? Шутку оценил, – я расплылся в улыбке.

– Ха-ха! Ну вот, мой умница, ты и сам всё знаешь, – Селестия улыбнулась в ответ. – А взрослые пони хоть и могут держать себя в копытах, но всё же по традиции зачинают детей в это время. Впрочем, традиции меняются с годами.

– Понятно, – я чувствовал, что ей очень неловко говорить на эту тему. – И набор в школе тоже идёт раз в три года?

– Да, – она кивнула головой.

– Раз уж мы заговорили о... об этом, я хотел бы задать тебе пару вопросов, – теперь уже мне пришлось постараться, чтобы не покраснеть. – Почему капитан гвардии пегас, а его жена – единорожка? Они же совершенно разных видов, и детей у них быть не должно. Или они... э-э-э... живут вместе, зная об этом?

– Они не разных видов, как определяет это слово биология, они скорее

разных рас. А вид один – пони. Пони всех рас совместимы, и в тоже время это один вид, и межвидового скрещивания не бывает, поэтому нет полупегасов-полуединорогов. У капитана и его жены будут дети. Какого типа? – она предугадала мой следующий вопрос. – Это зависит только от матери и её родственников, а не от отца. И наоборот, пол ребёнка зависит от родни отца, и почти не зависит от родни матери.

Я дослушал Тию и задал следующий вопрос:

– А аликорны?

– Аликорны... – внезапно для меня, Селестия сжала зубы, как будто бы ей стало очень больно. – Аликорн может родиться исключительно от двух аликорнов и всё. Между мамой и папой не было большой и вечной любви, – по её лицу было видно, что это далеко не самые лучшие воспоминания её детства. – У меня были две сводные сёстры и сводный брат, от разных родителей, и ни один из них не был аликорном. Я помню, что постоянно плакала, вспоминая их, да и не могли мама и папа оставить меня одну. Так появилась Луна, – она нахмурилась. – Может быть, сменим тему?

– Конечно, – мне было неловко от того, что причинил ей боль из-за своей любознательности. – Вот, и ещё одно. Я заметил, что кобылок гораздо больше, чем жеребцов.

– Да, это так. Но так всегда было, это нормально, – принцесса ещё сильнее нахмурилась и неожиданно немного покраснела. – Если бы не обычаи и традиции, наше общество не было бы стабильным.

Честно говоря, я не уловил связи между двумя этими утверждениями, но переспрашивать не стал.

\*\*\*

Школа для одарённых единорогов показалась мне весьма забавным местом. Мои ровесники, если их так конечно можно было назвать, в любом случае были лучшим обществом для меня, чем дети стражи, прислуги и Вандерболтов, вечно занятая Селестия и прочие пони, грифоны и минотавры, которые приходили во дворец по государственным делам. Поначалу я чувствовал себя неудобно: всё-таки только я был аликорном. К тому же многие пони называли меня принцем, и это

немного озадачивало. Я поправлял их каждый раз и через некоторое время, все мои одноклассники видели во мне такого же единорога, как и они сами, ну может быть просто более высокого роста и с крыльями.

Найтглоу, говоривший в своё время о моей почти полной неспособности к магии единорогов, был тысячу раз прав: за три года школы, полные усердных попыток и головной боли после них, не научился ровным счётом ничему. И когда настал день сдавать экзамен по переводу на следующий курс обучения, я просто не пришёл на тест. Селестия, конечно же, спросила меня почему, я ответил: «А смысл? Может за следующие три года меня чему-нибудь научат» Примерно тоже самое я провернул еще через три года и ещё. И вскоре я уже не относился к посещению школы как к учёбе, скорее как к прогулке в заведение, где я мог потрепаться со своими приятелями и хорошо провести время.

\*\*\*

*Эквестрия, 114 год эпохи Монархии.*

– Хочешь, покажу настоящую друидскую магию?

– Давай.

Мы сидели на самой дальней скамейке в небольшом классе, напоминавшем амфитеатр. Два ряда деревянных, покрытых постепенно облезавшим лаком сидений со столами, заваленными пергаментом, полукругом возвышались над доской и кафедрой учителя. Была перемена, поэтому в классе почти никого не было, и мы могли безобразничать куда громче, чем обычно. Помимо нас и дописывающих что-то троих учеников, здесь была только кобылка, стиравшая с помощью телекинеза записи с доски. Она пока ещё плохо владела магией, поэтому мокрые разводы на доске выглядели забавно. Я прикоснулся копытом к стоящему на столе горшку, в котором росли фикус и цветной горошек. От фикуса мне нужны были корни, которые как восемь паучьих ног свисали из горшка. Половину из них я использовал для перемещения всей конструкции, а вторая половина заменяла мне пальцы. Горошек же был нужен, во-первых, для маскировки белыми, малиновыми и бордовыми цветками, а во-вторых, для стрельбы.

– Во-о-он той! – мой сосед показал копытом на кудрявую единорожку фиолетовой масти, сидящую через один ряд впереди от нас.

– Погоди, стручок наведу.

Я, как мог, прицелился, поднял давление внутри стручка и одной мыслью создал трещину на его конце. Стручок с силой выстрелил единственной мягкой зелёной горошиной прямо в затылок единорожке, а я уставился в потолок, насвистывая и давая понять, что вовсе тут не причём. Единорожка резко развернулось, а мой сосед засмеялся.

– Выстрел в голову! – он поднял обе свои передние ноги, лежащие до этого на столе, и повернул копытами ко мне. Я стукнул по ним своими.

– Опять ты, Рыжий! – закричала она.

– Да ладно тебе, это же не больно, – я ехидно улыбнулся, а мой приятель заржал в голос.

– Несносный бездельник! Твоё безделье мешает всем жить! От скуки ты издеваешься над другими! – на её шее от напряжения вздулись жилы.

– Ну ничего себе! Не, ты слышал? – я толкнул под бок соседа. – Издеваюсь, однако.

– Ты даже в школу ходишь один-два раза в неделю вместо пяти! – она топнула ногой по скамейке. – Раз ты аликорн, значит тебе всё можно, да? – кобылка явно вошла в раж.

– Мне ещё нужно в библиотеке почитать книжки по истории, и меня учат летать и фехтовать. Да что я тут забыл, чтобы каждый день ходить? Я уже всё это слышал по многу раз. Причём все курсы.

– С твоим отношением не удивительно, что ты ещё не научился летать. Я слышала от старшеклассниц, – она махнула копытом в сторону двери в коридор. – Что ты и их однокашником был.

– Ты лучше у учителей спросила бы, они тебе рассказали бы, что когда-то сами были моими одноклассниками и задавали такие же вопросы. И я так же советовал им спросить у их учителей.

До единорожки видимо дошёл смысл моих слов, потому что её зрачки расширились. Она отрыла рот, чтобы сказать что-то, но не сразу нашла что именно:

– Я никогда не видела, чтобы ты даже хоть что-нибудь левитировал. Как тебя вообще на второй курс перевели?

– Выколдовал заклинание света, наконец, вот и перевели. Да что ты ко мне пристала? – я сделал вид, что этот разговор стал меня раздражать. – Это похоже на выпытывание государственной информации у высокопоставленного лица, – я театрально прищурился. – И вообще ты крайне подозрительная, надо бы о тебе капитану стражи сказать, – мы с приятелем вновь засмеялись.

– Я же говорю, аликорн, и пользуешься своим положением, – она фыркнула и отвернулась, видимо осознав всю тщетность своих попыток убедить меня хоть в чём-то.

\*\*\*

Из всех стимулов учить магию наиболее существенным я считал воровство печенья с кухни, хотя там пекли и пироги с начинкой, и маффины, и капкейки. Яблочные пироги мне быстро приелись, маффины я не очень любил, потому что они были на мой вкус сухими, а крем у капкейков слишком жирным. Печенье же мне никогда не надоедало, его удобно было таскать в сумке и жевать на ходу, а самое главное, что ценой невероятных усилий я уже мог на несколько секунд заставить печеньку оторваться от поверхности и взлететь на полдюйма в воздух. Конечно, на кухне дворца об этом знали и всячески препятствовали изъятию данного вида сладостей. Довольно скоро оттуда убрали все горшки с цветами, потом стали недолгобловать моих тренеров по полётам, которых я подговаривал довести меня до окна кухни, потом начали косо смотреть на единорогов-учителей, но доказательств у них пока не было.

Как-то раз, неся в сумке «одолженное» печенье, я вошел в обычно пустующий зал для аудиенций. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил там Селестию и ещё четырёх пони. За недлинным столом в просторных мягких креслах с удобной спинкой сидели: единорожка, пегаска, земная, а вот четвёртой я никогда не видел во дворце. Это была самая настоящая зебра! Она была немного выше пони, белого цвета с чёрными полосками. Её короткая полосатая грива была уложена на бок, а хвост был необычным и напоминал скорее длинную кисточку. В ушах у зебры были золотые серёжки в виде толстых колечек, а ещё одно поменьше было продето сквозь бровь, отражая падающий из окна солнечный лучик. Её кьютимарка больше походила на перевёрнутую на бок букву Z, с чёрточками и

точками. Пони и зебра одновременно повернулись в мою сторону, вскочили со своих мест, поклонились мне и хором произнесли:

– Здравствуйте, принц Сильварум!

– Вот зачем? Сидите-сидите, – я помахал правой передней ногой. – И не стоит называть меня принцем, я от этого краснею.

Я подошел к дивану, стоящему у противоположной окнам стены, и взобрался на него одним ловким прыжком. Мне стало интересно, о чём они говорят, но, похоже, они решили сменить тему и стали рассказывать о каких-то жизненных мелочах: о том, как они почти поссорились друг с другом, но потом всё же помирились, о том каких домашних животных хотели бы завести. Тем не менее, Селестия внимательно их слушала, кивала головой и иногда даже отвечала что-то одобрительное. Наконец они спросили, можно ли им пока остаться в замке и принцесса ответила:

– Конечно можно, мои маленькие пони!

– Спасибо! ЙЕЙ!!! – хором ответили они, поклонились и выбежали из зала.

Я спрыгнул с дивана и подошел к Селестии, сидящей за просторным креслом с подлокотниками и спинкой, обитой мягким красным плюшем.

– Ты опять ешь печение перед обедом? – хотя Тия напустила на себя строгий вид, я прекрасно видел, что настроение у неё просто отличное.

– Это когда-нибудь мешало мне обедать? – мои ноги немного затекли, и я стал разминать их, перепрыгивая с левых на правые.

– Моя радость, ты так похож на Луну в детстве! Так же ворует печение и танцуешь её любимый танец, – Селестия резко поднялась, подошла ко мне и, неожиданно подняв, обняла. Потом, мечтательно глядя в потолок сказала:

– Столько хороших воспоминаний...

– Не хочу огорчать тебя, Тия, – я попытался выкарабкаться из её цепких объятий. – Но если уж вспоминать былое, не могла бы ты рассказать, что именно случилось тогда в Вечнодиком лесу?

Принцесса опустила меня на одно из кресел, села в соседнее и начала

рассказ:

– В Вечнодиком лесу находилась наша летняя резиденция, и когда Найтмэйр Мун развязала гражданскую войну, тот дворец служил ей не только домом, но и генштабом. Я с отрядом верных мне воинов проникла на территорию замка, и пока моя гвардия ценой своих жизней отвлекала внимание, проникла в личные апартаменты колдуньи и сделала то, что должна была, – она вздохнула. – Использовала самую мощную магию нашего мира – Элементы Гармонии, чтобы изгнать то, что раньше было моей сестрой на спутник.

– Сказку про спутник я уже слышал, – я наклонил голову на бок. – А куда именно ты её изгнала?

– Это не сказка, солнышко, – вздохнув, ответила она. – Я действительно изгнала её с нашей планеты на спутник.

– Как?! – удивлённо воскликнул я. – Но ведь там нет воздуха! Найтмэйр Мун погибла?

– На поверхности действительно невозможно жить. Но под поверхностью находится комплекс построек Древних. Луна, будучи ещё маленькой, случайно отправила себя туда. Тогда наши родители вытащили её со спутника.

– А как же еда и вода?

– Там ей это не требуется, – Селестия покачала головой. – Спутник – место сосредоточения её силы, и сейчас Найтмэйр Мун питается чистой энергией, – она вновь села на стул.

– Она может сбежать оттуда?

– В ближайшие несколько сотен лет – нет, – успокоила меня Тия.

Я облегчённо вздохнул и уселся поудобнее:

– А что за Элементы Гармонии?

– Это шесть могущественных артефактов, мы с Луной использовали их несколько раз, – она поднялась со своего места и подошла к окну. – Помнишь, я рассказывала тебе про изменившуюся по прозвищу Бестия?

– Да, – я кивнул головой и, спрыгнув, последовал за ней.

– За несколько лет до смерти, она родила сына. Как сказали мои родители – от духа земли.

– Земли, ты имеешь в виду «поверхности» или «Земли», которая даёт мне силы для управления растениями? – от того, что кто-то ещё мог использовать магию Жизни в Эквестрии кроме меня, я почувствовал настоящую ревность. Тия на секунду задумалась, а потом ответила:

– Скорее мира. И не спрашивай меня, как это может быть, я не знаю, – она перешла к следующему окну, ведущему в сад. – Так вот её сын – Дискорд, он сочетает в себе два качества, которые вместе представляют собой крайне опасную смесь. Зло и коварство хаосита и принадлежность этому миру. И хотя он трактует понятие «Хаос» по-своему, всё же принёс много горя пони, – возможно, мне это только показалось, а возможно в её голосе действительно прозвучали нотки раздражения и не до конца погасшей ярости. – Однако, Дискорд не чужероден Эквестрии, и поэтому мы не могли убить его. Ведь наш отец взял с нас клятву не идти по стопам разрушения. Тогда мы использовали Элементы Гармонии и превратили полумонстра в каменную статую. Ты, наверное, видел её в саду, – она показала копытом на группу каменных изваяний рядом с замком.

– Значит та скульптура монстра не скульптура вовсе? И его можно расколдовать?

– Полагаю, что да, – немного поразмыслив, произнесла принцесса.

– Но раз Дискорд был так опасен, почему же статую никто не охраняет? – «какие ещё тёмные секреты она прячет от меня?» подумал я.

– Забвение – лучший камуфляж. Сейчас никто и представить себе не может, что это не обычная статуя. Так же, как никто не знает, что Элементы Гармонии в данный момент валяются на полу в тронном зале летнего дворца в Вечнодиком лесу без охраны, но в безопасности, – и тоном наставника она продолжила. – Не привлекай ненужного внимания к событию или явлению, и никто не воспользуется им против тебя.

– Хорошо, я запомню. Тия, а... если можно расколдовать Дискорда, можно ли расколдовать Луну? – когда Селестия думала, что её никто не видит, она грустно

смотрела на спутник, скучая по сестре. От того, что я не мог ей ничем помочь, на душе у меня становилось особенно мерзко.

– Думаю, что можно, – при этих словах я облегчённо вздохнул. – Но я не знаю как. У меня есть пара идей, но я пока не до конца уверена.

– Отлично! – я невысоко подпрыгнул. – В этом вопросе я тебе полностью доверяю, никогда не видел настолько могущественных волшебниц, как ты, Тия.

– Спасибо, – она тепло улыбнулась мне. – Однако у меня к тебе, солнышко, тоже есть вопрос. Почему ты спрашивал именно про то, чтобы расколдовать мою сестру?

– Я... не знаю, – вопрос застал меня врасплох. Действительно почему? – Я видел её изображения в книгах. Они по большей части стилизованные, но есть и хорошие. Она... красивая. И ты так переживаешь по этому поводу, хоть и стараешься не показывать вида.

Принцесса вернулась на своё мягкое кресло во главе стола.

– Знаешь, у меня ведь есть портреты Луны.

– Портреты? – я уставился на неё, буквально светясь от радости.

– Они раньше висели повсюду в замке, – правительница Эквестрии тяжело вздохнула и погрузилась в воспоминания. – По понятным причинам я приказала их снять, когда началась гражданская война, но они до сих пор лежат в архиве. Если хочешь, можешь повесить те, которые тебе понравятся в свою комнату. А то у тебя там довольно пусто.

– Зачем? Я в своей комнате только ночую. Лучше бы было их повесить в недавно построенной башне с телескопом, там им самое место, – моё настроение поднялось до небес.

– Вот и займись этим. Попроси слуг, скажи им, что я разрешила взять картины, выбери самые хорошие по своему вкусу и повесь, где считаешь нужным. Да, кстати, – она одёрнула меня, когда я уже собирался выбежать из зала. – Я хотела бы тебя видеть завтра утром в сокровищнице.

– Хорошо, – на бегу ответил я ей.

\*\*\*

На следующее утро вместо школы я пришёл в сокровищницу – подвальное помещение с толстыми каменными стенами и тяжёлыми металлическими дверьми, запирающимися на несколько замков. Здесь не было окон, а освещением служили магические фонарики, дающие достаточно яркий и ровный свет. У дверей круглосуточно дежурила стража, от чего хранилище украшений королевской семьи приобретало налёт таинственной важности, хотя на самом деле внутри мало чем отличалось от обычной комнаты дворца, разве что обилием шкатулок и сундуков. Селестия уже ждала меня.

– Помнишь, я тебе говорила, что аликорны должны поддерживать свой имидж правителей?

– Да-да, – я скорчил самую скучающую физиономию из возможных. – Тебе опять нажаловались на мои шалости.

– Как раз шалости простительны для таких, как мы.

– О, это отлично! – я решил запомнить её фразу, чтобы при случае воспользоваться; Тия укоризненно посмотрела на меня, но я решил сделать вид, что не заметил её взгляда. – Что?

– Куда более важно то, что ты делаешь на официальных приёмах – ты на них вообще не бываешь, и как раз это следует исправить, – я тяжело вздохнул. – Индре, ты и так весьма тёмная личность: пони знают лишь только то, что ты мой приёмный сын, не любишь, когда тебя называют принцем, обладаешь таинственными силами и мало показываешься на глаза даже высшему обществу, – она обвела взглядом потолок, размышляя. – С другой стороны, не утруждаешь себя самостоятельными полётами, капитан учит тебя фехтовать копьём, твоё первое имя более чем странное, а от второго так и веет древностью. Я давно говорила, что тебе лучше уж обходиться только им.

– Нет. И это не обсуждается. Пусть другие пони называют меня Сильварумом, а ты и мои друзья зовут Индре. Это как небольшое напоминание о моей человечности.

– Тебе не хватает памяти о тех временах, когда ты был человеком? – сказала она, пристально смотря на меня.

– Честно... – я потупил взор и опустил уши. – Честно говоря, я не хочу помнить то время. Там только мертвецы, презрение, ненависть и страх.

– Оно и к лучшему. Тебе пока рано ворошить прошлое, солнышко, подрастёшь, тогда и будешь копать в памяти.

– Правда?

– Конечно, – Селестия была серьёзна как никогда. – Впрочем, сейчас разговор не об этом. Раз уж ты теперь будешь на всех приёмах... Да-да и на Грэнд Гэллопин Гэла тоже, не делай такое печальное лицо заранее, побереги эмоции до самой Гэлы, – я кисло усмехнулся. – Так вот, тебе нужно выглядеть соответствующе.

– Одежда, как у прочих пони на приёмах? Что ж, если она будет удобной, почему бы и нет, – я тут же представил себя одетым в камзол по последней моде Кантерлота.

– Не одежда, а регалии. По правилам этикета, на аликорнах должны быть только туфли, амулет и...

– Нет! – перебил её я. – Я буду себя чувствовать голым, посреди толпы одетых.

– Не будешь, если они будут делать вид, что не замечают этого, а по правилам этикета они обязаны не замечать, – моя собеседница настаивала на своём.

– Приёмов слишком много! – запротестовал я. – Я не выдержу столько позора!

– Позора... – безобидно передразнила меня она. – Любишь же ты преувеличивать. Хорошо, портные сошьют тебе костюм для маловажных приёмов.

Про себя я расплылся в торжествующей улыбке – обхитрить доверчивую и наивную Селестию мне не составляло труда.

– Но на прочих же, радость моя, будь любезен одеваться по правилам.

Я кивнул головой. Всего-то и требовалось, что пойти на незначительные уступки.

– Вот и хорошо, – принцесса развернулась и зашагала к сундукам и шкатулкам. – Ты как-то раз спрашивал о старой королевской династии единорогов, так вот я попросила племянницу одолжить кое-что для примерки.

Да, я помнил о них. В книгах говорилось, что в доэквестрианские времена, когда единороги, пегасы и земные пони жили отдельно, у единорогов была своя королевская династия. Она сохранилась и после объединения народов в Эквестрию, но уже в качестве представителей от расы единорогов. Династия существует и сейчас, и хотя её представители являются единственными родственниками Селестии, они не имеют хоть какой-нибудь власти. Я видел последние два поколения в школе одарённых единорогов, когда они были детьми. Принцесса называла их племянниками и племянницами, хотя правильнее было бы сказать много-раз-пра-пра-пра-внучатые племянники и племянницы.

– А вот и мой ювелир Голд Фигурин, он снимет с тебя мерку, – при этих её словах из соседней комнаты вышел пожилой единорог тёмно-коричневой масти с седой выующейся гривой. – Здравствуйте, Голд.

– Доброе утро, Ваше Величество, – он повернул голову ко мне. – Ваше Высочество.

При этих словах я скривился.

– Примерь-ка туфли, – Селестия левитацией поставила передо мной две пары обуви. – Они великоваты тебе, но зато можно будет увидеть, как смотрится фасон, и сделать тебе твои собственные.

– Но я же ещё буду расти!

– Ничего страшного, – сказала она, надевая мне на шею с помощью магии нечто золотое, больше напоминающее ошейник, чем амулет. – Подгоним по размеру, когда понадобится, всё равно растёшь ты медленно.

Пока Голд Фигурин возился с линейкой и мерной лентой, я решил расспросить Селестию о зебре.

– Да, она – зебра, а не пони. Это совершенно другой вид. Её зовут Нсибиди, и она дочка посла из, скажем так, союза племён зебр, лежащего южнее Эквестрии.

– У нас с ними напряженные отношения? Никогда раньше не видел их в

Кантерлоте, – я протянул ювелиру копыто, и он обмерил его лентой.

– У них были напряженные отношения с Эквестрией ещё до прихода моих родителей, – принцесса сняла с меня золотой амулет. – Видишь ли, в нашем королевстве нет золота и серебра, только медь. А у них есть золотоносные реки, и жадные единороги иногда обманывали зебр. Сейчас я пытаюсь выправить отношения.

– Меняли драгоценный металл на стеклянные бусы, понятно, – я повернулся к ювелиру. – Знаете, мне не пойдёт серебро и золото. Я же друид, и мне бы что-то зелёное.

– Зелёное? – переспросил он.

– Угу, в одной книге я прочитал, что сплав золота с серебром и медью имеет зелёный цвет.

– Желто-зелёный, если быть точным. Более насыщенный оттенок зелёного можно получить, если добавить в сплав кадмий, мы иногда его используем для понижения температуры плавления, – похоже, что о сплавах ювелир мог говорить очень долго. – Можно, конечно, сплавить золото с металлами, получаемыми из поташа, но подобные вещи крайне хрупкие. Я думаю взять золото за основу, а в неё уже вплавить вставки из зелёного сплава. Поэкспериментировать стоит.

– Спасибо, – мне стоило не перебивать его, а завоевав доверие, попросить сделать вещи такими, какими захочу я, а не Тия. – И еще одно, форма у туфель должна быть в виде травы – я же всё-таки друид.

От этих слов Голд Фигурин вытаращил глаза, закашлялся, и не сразу совладал с собой:

– Как... кхм... прикажете. Ваша просьба весьма необычна, но я посмотрю, что можно сделать, Ваше Высочество, – он неглубоко, но учтиво поклонился.

– О, не стоит называть меня...

– Стоит, – перебила меня Селестия. – Привыкай, солнышко. Это пусть к тебе твои друзья, одноклассники, учителя и тренеры обращаются напрямую. А остальные пони – нет. Ну вот, а теперь последняя деталь.

– Нет-нет-нет! – запротестовал я, видя, что Тия достаёт из шкатулки тиару. –

Я не девчонка, чтобы носить эти побрякушки.

– Это только чтобы примерить. Тебе сделают обруч, а не тиару.

– Одно другого лучше! – мне стало по-настоящему страшно от мысли, что она может заставить меня носить тиару, и я буду опозорен. – Не буду я надевать эти девчачьи штуки. Ты бы ещё мне серёжки в уши продела! – мои щёки загорелись, стоило мне представить себя в таком виде. – Я и так пошел на слишком много уступок, – сделав шаг в сторону, я ловко увернулся от тиары.

– Тут я с тобой не согласна, но твёрдость характера нужно поощрять, так что будь по-твоему, – она сделала небольшую паузу. – Может быть ты и прав, всё-таки подобные вещи – символ власти, и тебе пока рано носить их.

Мне было до слёз обидно, что Селестия до сих пор считает меня маленьким, но менять своё решение только для того, чтобы выглядеть взрослым я намерен не был. В конце концов, Тия сама говорила, что взрослые держат данное ими слово.

\*\*\*

Нсибиди и её подруги стали частыми гостями во дворце, они постоянно торчали в зале приёмов или совещаний, рассказывали о своих приключениях Селестии и тискали меня. Насколько я мог судить, они были чем-то вроде отряда специального назначения у Ти, а я был их счастливым талисманом. В течении последних двух лет Принцесса давала им несложные, но в тоже время ответственные поручения, как то: найти пропавшего грифона, спасти зверушек с острова, образовавшегося при разливе реки, помочь собрать небывалый урожай не то яблок, не то репы. В последний раз они ухитрились стащить немного золота у спящего дракона, видимо мне на туфли.

Однажды я спросил у зебры:

– А ты слышала что-нибудь о магии Ву...

– Тс-с-с-с! – она приложила копыто к носу. – На конце слова тоже буква «у»?

– Да.

– Не спрашивай меня, ответить не смогу. Могильный холод пронизывает естество, ведь это самое запретное колдовство. Не то что к вечеру, но даже спозаранку, об этом молчат наши шаманы и шаманки, – произнесла она зловещим

шёпотом, от которого по спине пробежали мурашки.

– Э-э-э... понятно, – только и смог ответить я.

\*\*\*

*Эквестрия, 116 год эпохи Монархии.*

А в начале осени мы праздновали мой День Рождения. И хотя я прекрасно знал день от начала года, когда я праздновал это знаменательное событие, будучи человеком, в Эквестрии год начинался летом. Я даже помнил, когда именно я праздновал относительно сезона года, но тут погодой управляли пегасы, разгоняя тучи и снег, так что и эта примета оказалась бесполезной. В итоге мы с Тией решили праздновать мой День Рождения в день, когда я прошёл через портал в этот мир.

В этот день, как раньше в День Рождения Луны, Селестия брала выходной от государственных дел и посвящала его своему хобби – она пекла вкуснейший клубничный торт! Который с огромным удовольствием ела и сама. Мне же в этот день доставалась удесятёрённая доля сладостей, обнимашек, тисканий и пожеланий «всего самого лучшего». А «маленькие пони» Селестии стали мне дарить подарки! Я уже начал забывать, что это такое, а вопросом, почему мне их не дарят, перестал задаваться очень давно. Принцесса отговаривалась тем, что, дескать, меня нельзя баловать или что-то в этом роде, но теперь просто махнула копытом. В этот же раз после празднования Нсибиди подошла ко мне, когда я на минуту остался один и, оглядываясь по сторонам, негромко сказала:

– Поздравили мы, радости не скрывая и не тая, но есть у нас ещё и сюрприз для тебя.

– О, здорово! А какой? – я был уверен, что мои глаза засверкали от радости.

– Если у нас получится, и ты не скажешь никому, то будет праздник через пару лун, верь слову моему! – она хитро посмотрела на меня.

– Конечно, я буду молчать! – я покивал головой. – По какому поводу-то праздник будет, сказать хоть можешь?

– Подловить тебе не удастся меня, не скажу я ни слова раньше этого дня, – она мелодично засмеялась.

А спустя пару месяцев зондер-команда Селестии разбудила меня около полуночи. Пони по очереди обняли и заявили, что в этот раз не берут с собой, потому что мне опасно быть там, куда они направляются. Попросили никому не говорить и оставили меня наедине с вопросами.

Через один день, утром, я прогуливался по замку, пытаюсь хоть как-то убить время до возвращения друзей, когда меня в буквальном смысле настигла толпа пони. Во главе шествовала Селестия, а рядом с ней – почти всё её окружение.

– Ага! – сказал новый капитан гвардии, направив на меня переднюю ногу. – У него мечтательное выражение лица – он должен знать!

Я тут же удивлённо поднял бровь:

– Это почему ты сделал такой вывод? И кстати, знать что?

– Куда исчезли мои маленькие пони, – Селестия произнесла эту фразу чуть более холодным тоном, чем обычно, но этого хватило, чтобы по моей спине пробежали мурашки.

– Они конечно попросили меня не говорить... – не спеша сказал я, опустив голову и уши, и поскрёб пол копытом.

– Я же говорил, что он знает! – не выдержал капитан.

– Да помолчите, ещё успеете выслужиться! – чуть ли не прорычала на него принцесса, капитан в ужасе съёжился, казалось, страх парализовал его. – Не перебивайте его. Индре, продолжай.

– Так вот, позавчера ночью они мне сказали о своём уходе в путешествие за сюрпризом. Каким не сказали. Всё, – я развёл копытами.

– А куда собрались?

– Тоже ни слова, – в мой разум закралось дурное предчувствие.

– А они с собой фляжек и бочонков не тащили? – продолжала спрашивать она, чуть наклонив голову.

– Нет, – этот вопрос поставил меня в тупик. – А что?

– А то, что они даже мне не сказали о своём путешествии, и, судя по

количеству пропавших ёмкостей для воды, они пошли в пустыню на юге, или даже через неё в страну минотавров, – в голосе Тии слышалась тревога, которую она даже не пыталась скрыть.

– Это... это опасно? – теперь и я забеспокоился.

– Если они потерялись в пустыне, мы их найдём, воды-то у них хватает. Если отправились к минотаврам – тут принцесса вздохнула. – Всё зависит от того, насколько близко они подойдут к священным для минотавров местам. Если направились в столицу, я думаю, им ничего не угрожает, а если в храмовый комплекс... – последние два слова она произнесла таким тоном, что всем стало понятно – из этой затеи не выйдет ничего хорошего.

– Я по-полагаю, нужно ещё раз расспросить всех, кто был по-позавчера на кухне, – заикаясь, пробормотал капитан гвардии. – И отправлять Вандерболтов в по-погоню.

– Надеюсь, это не понадобится, капитан.

\*\*\*

За следующие четыре дня тревога Селестии передалась и мне. Я ходил кругами по дворцу, не мог заставить себя читать ни одну книгу более пяти минут подряд и был раздражителен в разговорах с другими пони. Они как могли, пытались успокоить меня, говорили, что Вандерболты уже в пути, и что всё обойдётся. Не обошлось. На пятый день пегасы вернулись с такими вестями, к каким я готов не был.

Я мерил шагами оружейную – небольшой зал без гобеленов и картин заставленный покрытыми пылью стойками с мечами, копьями и церемониальными доспехами, как вдруг в окно заглянула Селестия. На её лице читалась смесь печали и обеспокоенности.

– Вот ты где! – Тия очень редко летала сама, и подобное могло означать, что случилось нечто выходящее из ряда вон. – Мужайся, Индре.

– Что-то случилось? – моё сердце моментально забилось часто и громко.

– Плам Кэтчер... погибла.

– ЧТО?! – мои крылья резко расправились, как у любого летающего пони,

переживающего сильные эмоции; весь окружающий мир замедлился, его будто залили киселём.

– Индре! – голос Тии вывел меня из оцепенения. – Нет времени сейчас говорить, беги в медицинскую часть казарм гвардии, – с этими словами правительница Эквестрии исчезла из моего поля зрения.

Пламя Кэтчер была земной пони и самой крепкой из всей четвёрки. Но почему именно она? Почему вообще кто-то из пони погиб? Я сорвался с места и побежал в казармы. По пути перешёл на галоп, но быстро выдохся, и пришлось бежать как обычно. Ворвавшись в медицинское отделение, я увидел толпу пони, среди которых была и Нсибиди. Не успел я подойти ближе, как капитан, который тоже был тут, взлетев, ухватил меня передними ногами и громким шёпотом прямо в ухо сказал:

– Рано ещё тебе на такое смотреть, парень.

Он оттащил меня в соседнее помещение, туда же привёл зебру. Единорожка и пегаска шли рядом. Вид у последних был печальным, а глаза – красными от слёз. Нсибиди всё ещё горько плакала.

– Мы пошли в этот поход по моей вине! – всхлипывала она. – О горе, горе горькое мне!

– Ты ни в чём ты не виновата. Это была наша идея пойти за кубком, – отвечали ей её подруги, положив передние ноги на плечи.

– У единорогов есть магия, пегасы могут летать, а я? Пламя Кэтчер погибла, бросившись спасти меня-а-а! – зебра забилась в судорожных рыданиях.

Тут в дверь заглянул пегас в форме Вандерболтов и быстро проговорил:

– Капитан, сэр, мы как только, так сразу! Они не хотели их отпускать, но мы сказали, что будем сражаться до последнего! – он изобразил копытами, как именно готов был сражаться.

– Это вы принцессе Селестии говорите, а не мне! – раздражённо ответил капитан. – Она всё равно вас скоро вызовет.

– А почему Селестия не здесь? – обратился я к капитану. – Она мне сказала примчаться в казармы, настолько быстро, насколько это возможно.

– Принцесса, когда нервничает, принимает поспешные решения! – вновь высунувшись из-за двери, сказал Вандерболт.

– Иди-иди! – капитан гвардии замахал копытом летуну, а потом повернулся ко мне, – он правильно говорит, парень, и сейчас тебе меньше всего нужно тут находиться, – с этими словами он буквально подтащил меня к двери. – Назревает дипломатический скандал, и принцам лучше всего держаться подальше.

– Тогда кто мне может спокойно рассказать, что произошло? – я чувствовал, что мне было просто необходимо это знать.

– Сейчас – никто. Но к вечеру может быть кто-то из Вандерболтов и сможет.

Дворец как будто сошёл с ума. Пони носились из одного конца в другой, кого-то искали и все как один просили меня или не мешать им, или спрятаться в надёжном месте и ждать пока кошмар не закончится. Целый день я пытался найти более сговорчивого рассказчика, но как назло все были настолько заняты, что не могли мне даже толком объяснить, чем именно. Пару раз мимо меня пролетала Селестия. Она сказала, чтобы я ждал её у второго выхода из тронного зала сразу же после обеда. Второй выход предназначался для самой принцессы, и оттуда было прекрасно слышно всё, что происходило в зале. Но до вечера Тия там так и не появилась, зато самые разнообразные пони врывались в зал постоянно. Наконец она пришла и позвала меня с собой. Мы отправились на кухню, принцесса отпустила служанок, с помощью магии налила мне большой бокал вишнёвого сока и отрезала два куса яблочного пирога. Это было как нельзя кстати, потому что я так и не пообедал из-за переживаний.

– Горшков с растениями-то тут нет, – я развёл копытами.

– Это и хорошо, солнышко, ты жуй и внимательно слушай. Все вопросы потом.

– Знаю, что тебе нравится меня вот так корить, – я поймал её укоризненный взгляд. – Ладно-ладно, я весь внимание.

– Мои маленькие пони в какой-то книге о минотаврах вычитали о священном Кубке из-под Крови Бога Умваху. Ты, наверное, знаешь, что минотавры единственная религиозная раса в нашем мире, и к своей религии относятся более чем серьёзно, – я, не прекращая жевать, кивнул. – У них есть пантеон богов, и

каждый год посвящается одному из них по очереди. Этот самый Умваху отвечает за чудеса, поэтому то девочки и решили выкрасть его Кубок. Из этого ничего хорошего не вышло, их заметил один жрец и, «воспылав праведным гневом», попытался остановить. В итоге убил Плам Кэтчер, – Тия сжала зубы, сдерживая гнев. – Но теперь минотавры могут пойти на Эквестрию войной, потому что подобный акт можно рассматривать как диверсионную деятельность, – я хотел возразить, но она ловко отправила мне в рот очередной кусок пирога раньше, чем я произнёс хотя бы слово. – Мои маленькие пони как-никак подчиняются напрямую мне. Посол минотавров срывается на крик: то угрожает войной, то требует ответа. По словам его собственного помощника «едва держит себя в руках». Хуже всего, что и отец Нсибиди тоже выдвинул мне ноту протеста. Его дочь оказалась втянута в межгосударственный скандал. Похоже, что все мои достижения, направленные на улучшение отношений с зебрами пошли прахом, – Селестия огорчённо вздохнула и внезапно строгим тоном добавила. – Впрочем, сейчас это не твои проблемы, а мои. Так что, ради Доброты, не пытайся даже пробовать их решить, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Но я не могу просто сидеть и смотреть! – воскликнул я, уворачиваясь от бокала с соком.

– И не будешь. Завтра мне понадобится твоя помощь – пока я решаю внешние проблемы, будешь сидеть в зале для приёмов, выслушивать просящих и откладывать решение внутренних проблем на более спокойное время, – всё-таки напоив соком, она вытерла мне рот салфеткой и продолжила. – Вот такое у нас государство. Если пони не может пару дней попросить аликорна о помощи – он паникует, а если аликорн скажет, что решит эти проблемы как-нибудь потом – пони успокаивается, хотя в обоих случаях дела не движутся.

– Я сяду на трон! Ура! – я на мгновение забыл о произошедшей трагедии.

– Нет, радость моя, не на трон, а рядом с ним, – оборвала мой восторг Селестия, потом, увидев помрачневшее лицо, добавила. – Но ты останешься за главного.

– Тоже круто! Слушай, а разве Минотавр – это не имя собственное? Может быть правильнее их называть таурусианами?

– Собственное, и когда-то этот народ назывался по-другому, правда, не так,

как ты сказал, — она достала с верхней полки блюдо с печеньем и поставила его передо мной. — А потом царь Минотавр решил увековечить своё имя и переименовал народ. У каждого правителя свои капризы, правда? — правительница Эквестрии улыбнулась, но от её улыбки у меня по спине пробежали мурашки.

Я, честно говоря, не решался спрашивать насчёт её капризов.

— А что же с Плам Кэтчер и её родственниками?

— Похороны назначены на утро послезавтра. Но мы постараемся замять это дело. Минотавры никогда не выдадут нам убийцу, по их мнению, он выполнял свой долг и не является преступником, — она недовольно поджала губы. — Преступники это как раз мы.

— Но это... это же, — на мои глаза навернулись слёзы.

Селестия неожиданно подняла меня магией и посадила рядом с собой. Приобняв крылом, она посмотрела мне в глаза.

— Индре, мы же с тобой уже говорили на эту тему, — Тия ласково погладила меня по голове. — Да, пони умирают. Но тебе следует просто принять этот факт. Ты не должен каждый раз так сильно переживать из-за смерти малознакомой тебе пони. Тебе просто не хватит никакого здоровья, твои нервы не выдержат, и ты серьёзно заболеешь. Ты меня понимаешь, солнышко?

— Да, Тия, — я кивнул головой и всхлипнул, вытирая слезу.

— По себе знаю, что это тяжело, но помни: я никогда тебя не покину, всегда буду рядом! — она прижалась ко мне щекой и обняла так крепко, что я едва смог вдохнуть.

Спалось мне плохо, мысли постоянно возвращались к смерти. Да, пони умирали. Но обычно они успевали полностью насытиться жизнью и быть готовыми к этому. Наконец, я забылся тревожным сном, который в середине ночи был прерван кошмаром. Мне снилось, что я опять человек и иду куда-то по малоосвещённым улочкам осенней ночью. Неподвижный воздух холодил лицо, хорошо, что я был одет в куртку, под которой находилась рубашка, и толстые джинсы, а на ногах — тёплые кроссовки. И хотя на улицах было абсолютно пусто, я заметил слева от себя чей-то силуэт. Послышался глухой свист и что-то с огромной силой ударило меня в плечо. Почему-то я был уверен, что это именно стрела,

которую пустил из лука тот, кто прятался в тени. Стрела почему-то не пробила пластиковую подкладку куртки, а я, не успев выставить руки, упал лицом на асфальт.

Я резко проснулся и захлопал глазами. На улице была ещё глубокая ночь. Мне очень захотелось прибежать к Ти и остаться ночевать у неё, как я делал в первые годы моей жизни в Эквестрии. Тогда мне снилось, что Смерть нашла меня и, причмокивая, собирается сожрать с особым вкусом. Даже когда я просыпался, окружающая темнота угнетала, стимулируя воображение и наполняя меня леденящим кровь ужасом. Каждый раз, забираясь на кровать Ти, я говорил ей: «Это всего лишь ночной кошмар», убеждая скорее себя, чем Селестию. На следующий день после первого такого случая она попросила рассказать сон и больше ничего не спрашивала и никогда ничего не говорила по этому поводу, хотя я каждый раз утром ругал себя за трусость. Но сейчас у неё и без меня хватало проблем, поэтому я просто перевернулся на другой бок и провалился назад в теперь уже спокойные сновидения.

\*\*\*

Тронный зал представлял собой, пожалуй, самое величественное помещение во всём замке Кантерлота. Высокие стрельчатые окна с обеих сторон наполняли его светом, придавали торжественности. Первое, что бросалось в глаза, был, конечно же, стоящий на возвышении огромный трон, достаточно просторный для взрослого аликорна. Немного ниже него стоял стол, за которым работали писцы, и кресло в котором весь следующий день я сидел и выслушивал приходящих в зал пони. Если кто-то из них спрашивал, что же произошло, я отвечал, что Селестия в данный момент решает возникшую дипломатическую проблему, и, вообще, не стоит беспокоиться. Если же пони что-то просил, я отвечал ему, что принцесса займётся его делом буквально через несколько дней. К обеду у меня разболелась голова и я, не смотря на огромную очередь пытавшихся попасть ко мне, сделал трёхчасовой перерыв на обед.

— Откуда их столько взялось? — я и не надеялся на ответ, тем более такой:

— Как только пони узнали, что выслушивать их будете вы, сразу же нашлось огромное количество тех, кто пришёл сюда не просить, а посмотреть на вас, Ваше Высочество, под предлогом узнать больше о ситуации с минотаврами, — ответила

мне одна из фрейлин.

– Ясно, – я повернулся к стражникам. – Вы! Скажите, что подробности инцидента секретны, и что все интересующиеся личности могут расходиться.

– Как вам угодно, Ваше Высочество.

И хотя часть толпы разошлась, некоторые настойчивые искатели правды или же желающие посмотреть на меня под любым предлогом всё же просачивались. Впрочем, я перестал волноваться и стал входить во вкус. И даже сам стал принимать решения, а не просто откладывать на потом. Вот только от этого голова заболела куда сильнее, её как будто зажали в тисках. Солнце ещё не успело коснуться горизонта, как я со звоном в ушах попросил выходящего пегаса передать всем, кто стоит за дверьми, что на сегодня приём окончен.

Поздно вечером я находился в леднике, временно служившим моргом. Вместе с родственниками я стоял рядом с телом погибшей. Неужели вот так? Плам Кэтчер была не первая из моих друзей, кто умер, но первая кто погиб в таком раннем возрасте, не успев насладиться жизнью. Всё-таки за бессмертие приходится платить своей ценой – ты переживаешь всех, кто тебе был дорог: друзей, учителей, приятелей и просто знакомых. Вначале это больно, но потом... Нет! Мне очень не хотелось становиться тем, кого смерть друзей нисколько не трогает! Быть может, в том мире, где я был человеком, подобное свойство было бы чрезвычайно полезно, но не в Эквестрии и не у нас. Каждый пони нуждается не только в заботе друзей и родных, но и в проявлении своей заботы о них. Чтобы не допустить подобного очерствения, мне приходилось брать пример с Селестии – я почти не заводил друзей. Мне было сложно представить, как она обходилась без любви. А то, что через пару сотен лет мне на своей шкуре придётся узнать это, временами пугало меня.

– Не вините себя в её смерти, принц. Плам Кэтчер не хотела бы, чтобы вы страдали, – видимо все мои мысли отразились на моём лице и были неправильно истолкованы кем-то из пони. Я промолчал и ещё раз взглянул на покойницу.

И тут мне в голову пришла совершенно дикая идея: «Ведь мы находимся прямо под поверхностью, и здесь, неглубоко под землёй, мои друидские способности имеют наибольшую силу. Сбрав в себя всю имеющуюся поблизости энергию Жизни, я могу воздействовать ей на тело пони! Я мог бы попробовать

воскресить её из мёртвых! Пускай я засушу сад во дворце, это мелочь. Высохшие деревья и ставшую неплодородной землю в нём можно будет заменить, это стоит того, чтобы вернуть Плам Кэтчер к жизни. Хотя я когда-то давно говорил, что подобное невозможно, но мы же в Эквестрии – в волшебной стране! Тут бывают чудеса. Или нет?» Холодная кровь сомнений стала растекаться по моим жилам, такой же холодный пот выступил у меня на лбу. «Ах, если бы я только знал, что получится!» Мой рог внезапно вспыхнул зелёным. Магическое свечение стало разливаться в воздухе, весь мир начал расплываться, как будто он был картиной художника-импрессиониста. Чётким оставались лишь стол с мёртвой пони и я.

– Ты хотел знать? – слышался едва уловимый шёпот.

– Где ты? Кто ты? – в растерянности я стал оглядываться.

– Я – это твоя Сила и не только. Я не смогу объяснить тебе, кто я. Я – личность и это неправильно говорить о себе «я». А ты? Ты задал вопрос, но хочешь ли ты увидеть ответ на него? Готов ли?

– Да!

– Ты сможешь сделать то, что задумал, но результат получится иной, – я увидел себя, вокруг моего рога было сияние такого большого размера, какого я никогда еще не видел, от него отлетали искры, оставляя за собой мерцающий изумрудный след. – Но ты не оживишь её. Ты сможешь лишь дать телу некое подобие жизни, но это не будет твоя подруга. Плоть не вечна, она разлагается и скоро от твоего творения не останется ничего, кроме костей.

Стоило мне хоть немного увидеть результат, как я закрыл глаза и закричал:

– Нет! Нет! Никогда больше! Я больше никогда не воспользуюсь магией Вуду! – я попятился, на мои глаза навернулись слёзы от обиды, а в ушах возник неприятный звон. – Сила Жизни для живых!

Звон усилился, и перешел в почти писк, а потом резко оборвался.

– Принц, с вами всё в порядке?

Я распахнул заплаканные глаза. Во всяком случае, окружающий мир был в порядке, хотя и немного расплывался из-за слёз.

– Мне плохо, выведите меня отсюда, пожалуйста.

\*\*\*

Похороны проходили тихо и почти непримечательно. Пони произносили речи, Селестия утешала плачущих мать, отца и сестёр Плам Кэтчер. Нсибиди, которую с великим нежеланием отец отпустил проводить земную пони в последний путь, вместе с подругами тихо всхлипывала в стороне. У входа на кладбище переминались с ноги на ногу стражники, а я сидел и таращился на новое надгробие, лишь иногда вытирая уже редкие слёзы. Я знал, по настоящему мне будет плохо позже, примерно через пару недель, когда до меня дойдёт, что Плам ушла навсегда. Наконец, все собравшиеся подошли поближе, я поднялся на ноги и решил сказать заключительное слово:

– Кхм. Друиды стараются не употреблять слово «умер», когда говорят об ушедшем. Для них слово «умирать» имеет необратимый оттенок, который нельзя применять по отношению к жизни. Жизнь циклична и, заканчиваясь, она даёт начало новой. Мы называем это Священный Круг. А об усопшем говорят, что он возвращается в Круг, – я сделал небольшую паузу. – Плам Кэтчер, которую мы все любили, вернулась в Круг.

Я едва успел договорить, как мне стал раскрываться весь смысл слов, которые я только что произнёс. Я внезапно ощутил наличие жизненной энергии в каждой травинке, что росла на кладбище, в каждом кусте жимолости и в старом ясене у входа. Эта энергия помимо моего желания начала течь через меня по всем венам и артериям. Я не мог пошевелиться, весь мир заволокло зелёным туманом, мне показалось, что я ослеп. Внезапно оба моих бедра пронзила жгучая боль, как будто бы я упал на угли. Но тут боль столь же неожиданно прошла, а зрение вернулось.

– ...но чтобы при таких обстоятельствах – первый раз! – услышал я голос матери покойной.

– Поздравляем вас, Ваше Высочество! – хором сказали пони.

– Что, что случилось? – у меня всё еще немного кружилась голова.

– Неужели ты сам не догадался, солнышко? – Селестия, стараясь сохранить печальное выражение лица, улыбнулась одними уголками рта и посмотрела на меня

своим самым добрым и умильным взглядом.

– Это она? Да? – я давно смирился, что рано или поздно и на моём крупе появится кютимарка, но немного побаивался какая именно.

– Мы оставим вас, хорошо? – произнесла это, принцесса положила переднюю ногу мне на шею и мягко подтолкнула к выходу с кладбища. – Мои маленькие пони, пойдёте.

– Ещё раз поздравляем вас, – сказали нам вслед родственники Плам Кэтчер, хотя радости в их голосе не было совсем.

– Спасибо большое, – я чувствовал себя крайне неловко.

Стоило нам только выйти за ограду самого тихого места рядом с Кантерлотом, как Селестия расправила крылья, подхватила меня и, несколько не стесняясь прочих пони, несколько раз покружилась на месте.

– Поздравляю! – шепнула она мне на ухо.

– Да дайте же мне самому поглядеть!

Я вырвался из цепких объятий Тии и повернулся так, чтобы видеть свой круп. На моей тёмно-рыжей шёрстке был отчётливо виден рисунок – Круг из листьев примерно одного размера, но разной формы, прямо как рисовали его друиды. Я различил клён и дуб; прочие листья, которых было большинство, являлись просто стилизованным изображением. На другом бедре был точно такой же рисунок.

– У меня просто нет слов... – моя кютимарка мне сразу же понравилась, она была под стать моему характеру и способностям, как мага Жизни. Такой можно было гордиться.

На выходе с кладбища Нсибиди ждал её отец.

– Мы с вами не увидимся больше никогда, пришло время проститься, друзья, навсегда, – сказала нам зебра.

– Увидимся, конечно, но может не сразу, – ответила ей Селестия.

Нсибиди обняла всех нас по очереди и побежала к отцу.

– Индре, сейчас мне нужно поговорить с девочками, – тотчас же сказала принцесса. – Я жду тебя в сокровищнице сразу после ужина.

– Где? И почему ты мне указываешь, что делать? Я уже большой, между прочим, – я мотнул головой в сторону своего круга.

– Вот так, мои маленькие пони, не успеешь вырастить детей, а они уже перестают тебя слушаться, – с этими словами она потрепала мою гриву и вновь обратилась ко мне. – Не капризничай, радость моя, не то сейчас время.

\*\*\*

Я уже заранее знал, что ждёт меня в сокровищнице – вторая примерка готовых туфель и амулета. Туфли мне оказались впору, а вот амулет на цепочке в виде зелёного листа Голд Фигурин решил переделать.

– Раз у вас есть кюотимарка в виде этого, как вы его называете «Круга», то я сейчас срисую её и сделаю миниатюрную копию на амулете из золота. Зелёное хорошо контрастирует с насыщенно-золотым.

– А вы за ночь успеете? – спросила его стоящая рядом Селестия.

– Разумеется, Ваше Величество, это сущий пустяк, – отмахнулся он.

– Большое спасибо.

– А к чему такая спешка? – поинтересовался я.

– Завтра у нас праздник, и ты, Индре, должен выглядеть соответствующе, – она взяла гребень и зачесала мне гриву на бок.

– Праздник?! О чём это ты? – я непонимающе нахмурил брови. – Ведь мы стоим на пороге войны, убили твою ученицу, или как ты их там зовёшь, зебры возмущены, пони обеспокоены, а ты предлагаешь веселиться?

– Я со всем уже разобралась, – спокойным голосом произнесла Тия. – Минотавры не будут воевать, у них этот год повешён какому-то спящему божку, и они боятся его разбудить. Похороны закончились. Посол зебр уезжает из Эквестрии. А лучшее средство отвлечь народ от проблем – это праздник. К тому же у нас целых два повода: войны не будет, и ты получил свою кюотимарку!

– Что ж, весьма разумно, – всё-таки она, в отличие от меня, была настоящим политиком. – Кстати, раз у меня теперь есть такая кьютимарка, чем я должен заниматься по жизни?

– Ты что, шутишь что ли? Тем, что тебе нравится. Как ты вообще получил её, если ты не знаешь, какое занятие тебе больше по душе? – Селестия уставилась на меня так, словно я задал вопрос, который сильно опустил меня в её глазах.

– Нет. Я не это хотел сказать. Я имел в виду должность при дворе. Ты же поднимаешь солнце каждый день, – я бросил взгляд на ювелира, а потом подмигнул ей. – Но всё-таки ты – принцесса Эквестрии.

– Ах, вот ты о чём! – она одобрительно улыбнулась, дав понять, что знает, о чём я говорю. – Этот вопрос вполне можно отложить до окончания празднеств.

– Верховный друид Сильварум, – я принял величественную позу. – По-моему отлично звучит.

– Значит, есть и не верховные? – усмехнулась Тия.

– Были бы, если бы были нужны, – войдя в роль, ответил я.

Однако я задумался, а действительно ли магия Жизни – это то, чему я хочу посвятить свою бесконечную жизнь? Нравится ли мне быть друидом? Да, во всяком случае, сейчас это для меня было интересно, ново, и приносило некоторое удовольствие. Но если убрать в сторону любознательность, то получалось, что магия Жизни просто не вызывала во мне раздражения, я не чувствовал усталости от процесса совершенствования в этой области и всё.

Празднование прошло как в тумане. Я махал с балкона передней ногой толпе пони на площади перед дворцом. Потом знать поздравляла меня с получением кьютимарки, а Селестию с удачным ведением переговоров. Я чувствовал себя отвратительно, мне хотелось остаться одному и почитать книжку, чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, но принцесса сказала, что я должен быть на празднике, принимать поздравления и улыбаться, потому что сейчас это необходимо пони, и я делал это. Я неуютно чувствовал себя в новых туфлях, а амулет непривычно давил на шею. По этикету я должен был принимать поздравления, расправив и подняв вверх крылья, и с непривычки за столько времени они сильно устали и побаливали. Наконец пони разошлись, и мы остались с Тией вдвоём в тронном зале.

– Ты отлично справился, мой умница, – начала она.

– Может быть, мы поговорим в зале для совещаний? – я подошёл к трону, на котором сидела правительница нашего государства.

– Не стоит, Индре. Сейчас нам тут никто мешать не будет.

– Кстати, а почему в нём почти все кресла всегда пустуют?

– Хороший вопрос, тебе полезно будет знать ответ, – она поправила золотой обруч короны. – Если несколько пегасов решили лететь вместе, то они полетят со скоростью самого медленного, или же самому быстрому придётся тащить остальных. Тоже самое с советниками, поэтому совещания нужно проводить вдвоём или втроём. К счастью, мы живём настолько долго, что рано или поздно сами становимся специалистами почти во всём.

– Это здорово! Но ты хотела поговорить на счёт моей к్యютимарки.

Селестия кивнула.

– Ты уже наверняка заметил, что не можешь назвать свой дар смыслом своего существования и делом всей своей жизни, – начала она, откинувшись на спинку трона. – Да, мне нравится несколько раз в год двигать планету относительно Солнца, точнее видеть, как этому радуются пони, а вот отодвигать спутник – нет. Крайне утомительная обязанность.

– Неужели жизнь аликорна не имеет смысла? – сердце моё заколотилось чаще от одной мысли о том, что я могу сейчас услышать кошмарную правду. – Неужели мы обречены на вечное и безрадостное существование среди тех, кто счастлив от того, что всю жизнь занимается любимым делом?

– Конечно же, нет, солнышко, – тут же успокоила меня Тия. – Есть одно занятие, которое делает нас счастливыми и наполняет нашу жизнь смыслом, – она замолчала и наклонилась ко мне.

Я дёрнул хвостом раз, другой, наконец не выдержал:

– Что же это?

– Властвовать! – гордо и холодно произнесла она, с шелестом развернув

крылья.

Я дёрнулся, едва сдержав себя от того, чтобы тут же не грохнуться на колени и не умолять приказать мне что угодно.

– Как? Как ты это сделала? – мои крылья моментально расправились. – Это магия? Ты научишь меня? – мне нужно было сдерживать эмоции, но я просто не смог совладать с собой.

– Это не магия, а просто умение правильно подать себя, – она улыбалась одними глазами. – Конечно, научу. Всем аликорнам нравится править, ты ведь тоже это заметил, когда я попросила на один день заменить меня на троне? – я сложил крылья и энергично закивал головой в знак подтверждения. – Я знаю, хоронить друзей не просто, и это не единственное, что причинит тебе боль в будущем. Но помни, именно власть является тем, что окупает наши мучения. И когда тебе плохо и больно, помни – наша власть оправдывает наши страдания.

– Хорошо, – кивнул я снова.

– Тебе ещё понравится править Эквестрией, а уж как это нравилось Луне... Но не будем о грустном, у тебя же сегодня праздник, – она улыбнулась своей самой доброй улыбкой.

– Спасибо, твои слова – лучший подарок, о каком только я мог мечтать, – я подошел к ней, и мы обняли друг друга. – Тия, ты – самая лучшая.

– Спасибо, – она стала ласково гладить меня по голове. – Мой умничка, моя гордость, моё солнышко, – и от этих слов ко мне вновь вернулись внутренняя гармония и уверенность в будущем.

\*\*\*

*Эквестрия, 117 год эпохи Монархии.*

– Соня, просыпа-айся-а! Утро уже, – меня потолкали в плечо и поцеловали в лоб.

– М-м-м... Тия, прекрати, рано же ещё, – я попытался заползти под одеяло с головой.

– Солнышко, ты что, забыл какой сегодня день? Вставай, опоздаешь ведь,

тебя в школе ученики ждут, – она стащила с меня одеяло.

– Преподаватели не опаздывают, они задерживаются, – проворчал я, закрываясь подушкой от солнечного света.

– Ты ещё ни одного дня не учил, а уже пользуешься служебным положением.

Идея стать преподавателем в школе для одарённых единорогов пришла в голову Селестии после того, как я получил свою кютимарку. Тия заявила, что раз я сам не учусь в силу безответственности, то начав учить других, подниму свои умения в магии единорогов на должный уровень. Я был не против – стать не абы кем, а преподавателем, было для меня достижением. И хотя с практикой у меня были проблемы, теоретический курс для начавших обучение я прослушал больше раз, чем прочитал любой, из ныне живущих преподавателей. И знал его почти наизусть.

Я мог бы начать учить единорожиков еще в 116-м, однако из-за цикличности набора начало моей работы в школе пришлось отложить на один год.

[Вперёд к главе 5 >>>](#)

[<<< Назад к главе 3](#)

[---Оглавление---](#)